

КОНТРАЗВЕДКА
РОМАНЫ О СЕКРЕТНОЙ ВОЙНЕ СССР

Валерий ШАРАПОВ

**СЕКРЕТНАЯ
ЧАСТЬ**

МОСКВА
2024

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Ш25

Шарапов, Валерий Георгиевич.

Ш25 Секретная часть / Валерий Шарапов. — Москва : Эксмо, 2024. — 320 с. — (Контрразведка. Романы о секретной войне СССР).

ISBN 978-5-04-198460-1

ЦРУ удается выявить скрытые позиции советских баллистических ракет. Руководство КГБ уверено: американцам помог кто-то из нашего технического персонала. Группе майора Михаила Кольцова поручено вычислить предателя. Однако начало операции едва не обернулось провалом. От рук убийцы погибают двое избалованных агентов, имеющих прямое отношение к делу. Почувствовав слежку, сводит счеты с жизнью один из высоких военных чинов. Сам Кольцов чуть не гибнет в схватке с подозреваемым... Наконец оперативникам удается задержать ценного свидетеля. После его показаний становится ясно: «крота» нужно искать в глухих белорусских лесах. Именно там, в засекреченной военной части, контрразведчикам предстоит решающая схватка с матерым врагом...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-198460-1

© Шарапов В., 2023
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2024

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Сигнал тревоги из поселка Шаврино поступил в пять утра. Предраассветная серость сочилась сквозь тюлевые шторы. В прихожей надрывался телефон.

Настя застонала, натянула одеяло на голову, одновременно отползая подальше от мужа. Событие не регулярное, но... случилось.

Выражаясь сквозь зубы, Михаил сполз с постели, побрел в коридор, плотно прикрыл за собой дверь. Валюша проснуться не должна, детская комната — за тремя дверями.

— Михаил Андреевич? — заговорила трубка. — Это Щедрин, дежурный по управлению. Прошу прощения за ранний звонок. С нами связался старший лейтенант Никитин. Это сотрудник «семерки», осуществляет наблюдение за домом Лавровского. Никитин взволнован, ему кажется, что во дворе дома труп...

— Кажется? — прохрипел Кольцов, прилагая усилия, чтобы проснуться. — Креститься не пробовал? Пять утра, Щедрин, какие трупы?

— Похоже, все серьезно, товарищ майор, — настаивал дежурный. — Нужно выезжать. Вы сами просили сообщать, когда появится любая информация. Водитель собирает по городу ваших людей. За вами заедут минут через десять. Еще раз примите извинения.

К черту извинения от тех, кто и так не спит! Не любил Кольцов сюрпризы в темное время суток. Днем они ему тоже не нравились, но ночью — особенно. Каша в голове, на ум приходят лишь бранные обороты.

Он быстро почистил зубы, сполоснул лицо. Воду с заваркой перемешивал уже во рту — опыт нарабатал.

— Снова на фронт? — прошептала Настя, высывая нос из-под одеяла.

— Да, враги уже в городе... — шутка вышла корявой, но не в том он был настроении, чтобы шутить удачно. Одевался как новобранец, скрипели дверцы шкафов. Назад уже не вернуться, скоро утро: придется ехать на работу. Нагнулся к кровати, поцеловал теплый нос. Настя застонала, выпуталась из-под одеяла, обняла его за шею.

«И куда я собрался?» — мелькнула предательская мысль.

— Все, родная, пока. Буду поздно, пьяный, возможно, не один... — шутка давно вошла в обиход.

«Лишь бы был», — обычно отзывалась Настя.

СЕКРЕТНАЯ ЧАСТЬ

Пользоваться лифтом по ночам, особенно без нужды, майор не любил — ненадежный вид транспорта. Он скатился по лестнице, застегивая плащ. Утро было теплым, практически летним — хотя до календарного лета 1982 года оставалось две недели.

«Волга» с антенной уже ждала у подъезда. Водитель был незнакомый, троица же за его спиной давно плешь проела. Субординацию соблюдали — оставили начальнику место рядом с водителем. Михаил плюхнулся на сиденье, захлопнул дверь. Водитель решительно помчался со двора, огибая препятствия.

— Здравия желаем, товарищ майор, — бросил с заднего сиденья Алексей Швец.

— И вам здоровья, — буркнул Михаил, гнездясь удобнее. Приоткрыл свое окно, достал сигарету. Для полного пробуждения оставалось покурить. Спал сегодня как младенец — провалился в яму, едва коснулся подушки. Такое ощущение, будто Настя что-то подсыпала в чай. И пробуждение было мучительным.

Он дымил, косясь на мелькающие за окном городские пейзажи.

— Не страшно, товарищ майор, подумаешь, полтора часа недоспали, — сказал Вадим Москвин — самый юный в группе, — бывало хуже — сутками не спали. Я вот как чувствовал, лег пораньше, делать все равно было нечего.

— Ребята, вы так хорошо молчали, — бросил Михаил. — Может, продолжим?

Глухо засмеялся капитан Вишневецкий — статный, темноволосый, отрастивший баки — вроде как дань моде. Обиженно засопел Москвин. Завозился Алексей Швец — тоже доставал сигареты, дурной пример заразителен.

За окном мелькали пустые улицы столицы. Рассвет набухал, но Москва еще спала. Иногда встречались машины, появлялись одинокие прохожие. Проехал пустой трамвай, растаял в дымке как призрак.

Водитель поднажал — ничто не мешало. Напрягся инспектор ГАИ, вышел на обочину, но разглядел номера, вернулся на место. С фасада Дома культуры на улице Черняховского смотрела «святая троица» — Ленин, Маркс и Энгельс. Поперек дороги висел огромный транспарант: «Решения XXVI съезда КПСС — в жизнь!» Со времени знаменательного события прошло больше года, полотнище выцвело.

За кольцевой водитель свернул на Рублево-Успенское шоссе. Оно вело в Звенигород, отстоящий от столицы на тридцать километров. Мелькали перелески, поселки. Место было непростое. Вдоль шоссе традиционно селились представители элит — начиная еще с Владимира Ильича. Здесь находились санатории Совета министров СССР, дачи партийных и советских руководителей, руководства вооруженными силами, КГБ, прокуратуры, прочих небожителей. Здесь любил гонять на машине Генеральный секретарь Леонид Ильич Брежнев. Езда с ветерком была его страстью. Выгонял из машины водителя,

СЕКРЕТНАЯ ЧАСТЬ

сам садился за руль и мчал на полной скорости. Бедняги из Девятого управления, охраняющие генсека, сходили с ума от страха. Трассу в меру возможностей расчищали, гаишники метались как угорелые, перекрывали въезды на дорогу. Сотрудники «девятки» пытались угнаться за шефом, но такими скоростями не владели. Леонид Ильич всегда уходил от погони, а потом весь день находился в приподнятом настроении — в отличие от своих охранников, имеющих бледный вид...

Рассвет неумолимо приближался. Дорога была пустая. «Секретные» объекты за высокими заборами чередовались перелесками. Водитель снизил скорость, всматривался в указатели. В свете фар мелькнуло название «Шаврино». За знаком, означающим конец населенного пункта, машина съехала на проселочную дорогу. Дачный поселок располагался в стороне. Потянулся березняк, в прорехах листвы обозначилось озеро.

— Что молчите? — Михаил повернулся к товарищам. — Спим, бойцы?

— Вас не поймешь, товарищ майор, — проворчал Вишневский, — то заткнитесь, то «что молчите». Вы уж определитесь.

— Ладно, отставить режим тишины. Кто-нибудь знает, что произошло?

— Нас там не было, — огрызнулся Швец. — Парень из «семерки» с вечера висел у Лавровского на хвосте. В городской квартире семья уже не жи-

вет — зима кончилась, переехали на дачу. Чего им тут не жить? Просторно, красиво, расширенная жилплощадь, те же отопление и водоснабжение с канализацией. Лавровских двое — муж и жена. Обоих личные водители увозят и привозят. Сын имеется, но давно выпорхнул из семейного гнезда. В общем, вечером сотрудник довел Лавровского до дома, поставил машину в кустах, на обочине. Супруга уже приехала. Водитель высадил фигуранта, развернулся и убыл. Посторонних не было, только он и она. Сотрудник слышал разговоры, музыка играла. Потом супруга решила искупаться в бассейне...

— Где? — вздрогнул Кольцов.

— Вы не ослышались. У них бассейн рядом с домом. Красиво жить не запретишь. Борис Михайлович и не такое может себе позволить. Прохладно, конечно, еще не лето, но у них бассейн с подогревом, представляете?

— А ты откуда знаешь? — удивился Москвин.

— От верблюда, — отрезал Швец. — В отличие от некоторых собираю информацию в полном объеме. Сам Лавровский в воду не полез, а вот Лариса Владимировна купалась. Барышня она закаленная, спортивная, несмотря на возраст. Говорят, что и зимой морзует, из проруби не выгонишь... В общем, что-то произошло. Барышня купалась, потом тихо стало. А свет у бассейна остался и всю ночь горел. Забор сплошной, но пространство освещено, все понятно. Наш сотрудник значения не придал — мо-

СЕКРЕТНАЯ ЧАСТЬ

жет, намеренно его оставляют, чтобы злоумышленников отгонять. Все ночь в машине просидел, божится, что не спал. В половине пятого тревожно, говорит, стало, прошелся вдоль дороги. Округа спит, темно, только этот свет у бассейна... Щель в заборе нашел, смотрит — в бассейне что-то на воде лежит, похоже на тело. А там особо не развернешься, щель узкая...

— Может, выбросили что? — предположил Москвин.

— Ага, фуфайку. В общем, это все, что рассказал дежурный. Будем надеяться, что тревога ложная. Но ребята из 7-го управления, в принципе, с головой дружат...

Настроение портилось. За березовым леском начинался поселок. Видимо, важный объект — будка со шлагбаумом, зевающий сторож. Поперхнулся, увидев корки, быстро заработал подъемный механизм...

Дорога расширилась. Проезды на дачах не часто укатывали в асфальт, но здесь укатали аж толстым слоем. Слева за обочиной — лес. Справа — глухие заборы в полтора человеческого роста, узкие переулки. За оградами — вполне приличные особняки со всеми удобствами. Советские люди жили хорошо. К сожалению, не все.

Борис Михайлович Лавровский занимал ответственную должность в Министерстве среднего машиностроения. Под неброским названием скрыва-

лась огромная и значимая структура — центральный орган государственного управления, отвечающий за атомную отрасль промышленности и производство ядерных боезарядов. Именно за последнее направление отвечал товарищ Лавровский, возглавляя в министерстве отдел контроля над проектными институтами, разрабатывающими конструкции боеголовок.

Борис Михайлович имел доступ к любым документам и материалам по данной тематике. Выписка из личного дела характеризовала его как грамотного специалиста, блестящего организатора и исполнителя, беззаветно преданного делу партии.

Лавровского взяли в разработку неделю назад. Его раскрыл агент в Лэнгли, работающий под прикрытием. Разведчику пришлось постараться. Информация о подобных персонах, мягко говоря, не была в открытом доступе. К сожалению, всю сеть он раскрыть не мог — и так рисковал. Лавровского пока не брали, отслеживали связи и контакты, прослушивали телефонные разговоры. Информация подтверждалась, но железных доказательств пока не было. Имела место подозрительная встреча в парке им. Горького, впрочем, контакт с женщиной был недолгим, Лавровский ей что-то передал, после чего особа прыгнула в трамвай, а работники наружки развели руками: дама казалась не из тех, что ездят на трамваях...

Дом на участке в пятнадцать соток считался дачей, а отнюдь не загородной виллой. Рослый доща-

СЕКРЕТНАЯ ЧАСТЬ

тый забор окружал территорию. Второй этаж большого дома, в принципе, просматривался, но для этого требовалось отойти и хорошенько подпрыгнуть.

Округа еще спала. Бледный свет растекался по пространству. Водитель пристроил машину за деревьями на левой стороне, пассажиры покинули салон. Здесь даже дышалось иначе, чем в Москве: свежий воздух насыщали ароматы трав и хвои. Закружилась голова. Сотрудники потянулись к забору. От «Жигулей», припрятанных за кустами, отделилась фигура, заспешила наперерез. Молодое лицо с налетом щетины. Служба работала сутками, на личную гигиену времени не было.

— Здравия желаю, товарищ майор. Никитин моя фамилия... — голос сотрудника подрагивал от волнения, — старший лейтенант Никитин Олег Петрович, подчиняюсь майору Шилову...

— Излагай, Олег Петрович, что у тебя тут случилось.

Обычная практика: разрабатывали фигурантов сотрудники одного управления, наблюдение вели другие (специально обученные). И нередко такая практика давала сбои, вызывала неразбериху.

— Все штатно было, товарищ майор... Довел объект до дома, расположился в кустах. Он слежку не заметил, можете поверить, не первый день работаю. К Лавровским никто не приходил. Жена приехала еще до нас. Слышал, как говорили, но суть разговора не уловил. Музыка играла, потом мясо жарили.

Женщина спросила, не хочет ли муж искупаться, тот ответил, что еще не выжил из ума. Она посмеялась. Оба ушли, тихо стало. Я в машине сидел, окно было открыто, слышимость отличная... Долго сидел. Вышел, прошелся туда-сюда, снова сел. Кто-то дом покинул — дверь хлопнула. Свет во дворе загорелся — там лампочка бассейн освещает. Слышу — плеск, плавают кто-то. Но никаких разговоров, тишина, видимо, Лариса Владимировна одна вышла освежиться перед сном... Потом прекратила плескаться, я решил, что ушла. Свет остался, но мало ли...

— В котором часу это было?

— Около одиннадцати, — без запинки отчитался старший лейтенант. — Без двух или без трех минут — я как раз на часы посмотрел. Всю ночь просидел в машине. К утру неуютно как-то стало, сделал кружок. Вдоль забора погулял, щель нашел. Не стал бы тревогу поднимать, товарищ майор, но сами посмотрите...

— Показывай, Олег Петрович, свой глазок.

Щель находилась в метре от калитки и не превышала трех миллиметров. Странное чувство возникло: подглядываем, как подростки за голой бабой.

Просматривался узкий фрагмент здания, угол крыльца, часть бассейна, выложенного кафельной плиткой. Свет действительно горел — лампа под навесом освещала не только вход в дом, но и часть бассейна. На воде что-то лежало. Михаил всматривался,

СЕКРЕТНАЯ ЧАСТЬ

напрягал глаза. Похоже на тело с разведенными конечностями. Точно не фуфайка.

На звонок никто не отозвался. Позвонили еще. В урезанной картинке ничего не менялось.

«Сразу надо было брать, — мелькнула тоскливая мысль. — Но на каком основании? Волна могла пойти — объект ведь не в пельменной работал...»

— Вскрываюте.

Замок поддался через полминуты. Повозились со щеколдой, но и она сдалась. Водитель остался в машине, получив указание связаться с управлением. Сотрудники просочились на территорию, рассеялись. Двое обогнули бассейн, прошли через беседку и флигель, примыкающий к боковой ограде. Остальные прямо — мимо стриженных кустов, по дорожке, устланной тротуарной плиткой.

Особняк молчал. Силуэты собравшихся у бассейна бледно очерчивались в полумраке. Непроизвольно потянулись к оружию.

— Мать честная, — пробормотал Никитин, — ну, я так и знал...

В средней части бассейна лицом вниз лежала женщина в закрытом черном купальнике. Конечно-сти были разбросаны в стороны.

Зрители угрюмо молчали. Неясное чувство подсказывало, что спешить уже некуда. У покойницы была неплохая фигура, хотя могла быть и лучше. Наверное, и была — лет пятнадцать назад.

— Майская ночь и утопленница, — недоверчиво прошептал Вадик Москвин. — А она... точно мертвая?

— Нет, притворяется, — огрызнулся Вишневский, с усилием отводя глаза. К женскому полу Григорий относился положительно, но предпочитал живых.

— Нервы как? — Михаил повернулся к Швецу.

— Нормальные, рабочие, — Алексей пожал плечами.

— Тогда неси багор — вон лежит, подцепи тело и переверни.

С поставленной задачей справились. Багор служил для уборки мусора из бассейна. Тело подтянули в четыре руки — Никитин помогал — перевернули. Явные признаки насильственной смерти отсутствовали, за исключением подозрительной сини на шее. Глаза покойницы были открыты, плавали в воде черные, как смоль, волосы — явно крашеные. Ей было далеко за сорок, но спортивную форму дама не растеряла. Приятное лицо исказила судорога.

«Ну все, — тоскливо подумал Михаил, — пошла жара в баню...»

Лариса Владимировна Лавровская работала в агентстве печати «Новости» одним из заместителей директора и попутно возглавляла отдел, славящий достижения сельских тружеников. Ларису Владимировну ценили, она имела заслуги, пользовалась

СЕКРЕТНАЯ ЧАСТЬ

влиянием в партийных кругах. Посвящал ли ее муж в свои дела — вопрос интересный.

— Эх, незадача... — посетовал Швец. — Ладно, назад не отмотаешь...

— Ей не холодно было? — прошептал Вадик Москвин, отрывая взгляд от тела.

Григорий опустил на корточки, потрогал воду.

— Теплая, мы так и думали. Во живут люди...

Попятился старший лейтенант Никитин, загнулся о лавочку, на которой лежал свернутый халат, плюхнулся. Ему крупно не повезло. Он не мог повлиять на ситуацию, но на роль крайнего вполне годился.

— Она не утонула, — вкрадчиво проговорил Вадик Москвин, — иначе на дно бы ушла. Ее убили, товарищ майор, задушили, как пить дать... Искупалась, из бассейна стала выходить, в этот момент напали и задушили. Потом в воду столкнули. Плавает, потому что в легких воздух остался...

— Неужели? — пробормотал Кольцов. — Спасибо за урок физики. Никитин, ты слышал крики? — Михаил повернулся к «топтуну». — Москвин прав: женщину задушили в тот момент, когда она вылезала из бассейна. Или стояла рядом с бассейном. Должна была среагировать, хотя бы крикнуть.

— Не слышал, товарищ майор, — помотал головой Никитин. — Неужели не поднял бы тревогу? Могли напасть внезапно, схватить за горло, и всё.

Могло быть и так, следствие установит... Взгляд скользил по зашторенным окнам первого этажа. Эх, Борис Михайлович... На ум пришла нелепая детская считалка: «А в каморке жил Борис, председатель дохлых крыс. А его жена Лариса...»

Мертвое тело покачивалось на воде, растревоженной багром. Смешно...

В дом входили аккуратно, достав оружие. Мутный свет проникал сквозь окна, разливался по холлу. Некоторые категории советских граждан жили действительно неплохо... Гостиная — мягкая мебель, явно не из отечественного магазина, роскошный ковер на полу, вызывающий инстинктивное желание разуться. Справа кухонный гарнитур, обеденная зона. Слева — лестница на второй этаж, какие-то двери. Москвин и Швец устремились наверх. Старший лейтенант Никитин обогнул лестницу, растворился в слепой зоне. Вишневецкий исчез в проеме за обеденным столом.

Мелькнуло в голове: «За этим столом хоть многодетную узбекскую семью корми...»

Михаил остался один, всмотрелся в полумрак. Прошел в конец холла — мимо дивана, обитого натуральной кожей, мимо помпезного камина, законсервированного на лето, подошел к задней двери, отогнул штору. Взгляду открылся задний двор, беседка, мангал для жарки мяса, далее — высокий забор. Дверь была заперта примитивным замком — со скошенным языком на пружине. Такие открывались несложно — шилом и вязальным крючком.

СЕКРЕТНАЯ ЧАСТЬ

Он вздрогнул, резко обернулся — из проема рядом с лестницей вывалился взволнованный Никитин.

— Товарищ майор, сюда... — голос подрагивал, ломался. Оргвыводы, похоже, напрашивались сами. И доказывай потом, что тебя поставили наблюдать, а не стеречь... Спальня (по крайней мере, хозяйская) находилась именно здесь, за коротким коридором. Кубатура — умеренная, зачем много пространства для сна? Рассеянный свет фонаря блуждал по предметам обстановки. Шторы задернуты, рябил в углу цветной телевизор. Выключить технику оказалось некому. Двухспальная постель была смята. Между кроватью и порогом, на коврике ручной работы, лежало еще одно тело. Все логично, труп принадлежал Борису Михайловичу Лавровскому, важному лицу в Министерстве среднего машиностроения.

Никитин застыл в оцепенении, дрожал фонарик. Слов не было — одни эмоции. Михаил опустился на корточки. За спиной раздался топот — вбежали подчиненные.

— Ух ты! — расстроено выдохнул Гриша Вишневский.

Труп остыл, но процесс разложения еще не начался, за исключением пары синих пятен на скулах. Крепкий мужчина лет пятидесяти, одетый в махровый халат, лежал навзничь, раскинув руки. В мутных глазах виднелось изумление. Похоже, использовали глушитель. Халат на груди распахнут, темнеет пятно.

Кровь впиталась в коврик, засохла, безнадежно испортив дорогую вещь.

Тишина стояла как в морге по завершении дня. Результаты недельной работы пошли коту под хвост. Впрочем, не привыкать.

— Выходим, нечего тут топтаться, — буркнул Михаил. — Григорий, вызывай опергруппу.

К приезду оперов Кольцов сидел на лавочке у бассейна, курил и отрешенно смотрел на покойницу. Рассвело, утро было ясным, безветренным. Пятно на шее потерпевшей потемнело, причина смерти вопросов не вызвала.

Пожилой эксперт, носящий очки в старомодной оправе, был смутно знаком. Нечасто встретишь такое интеллигентное лицо, даже в их среде. Эксперт кивнул — значит, и майор из комитета ему тоже кого-то напомнил. Оперативники не задавали лишних вопросов. Одни ушли в спальню, другие колдовали у бассейна.

Тело извлекли из воды, положили на кафельный пол.

— Асфиксия, — заявил криминалист. — Душили руками, значит, убийца не доходяга и не женщина.

Никитин настаивал — криков он не слышал. Привычки спать на посту не имеет.

— Значит, тихо кричала или вовсе не кричала. Могла и не кричать, — допустил криминалист. — Поздно заметила нападение, пальцы сдавили горло, осталось только трепыхаться. Признаков борьбы